

Санжа БАЛЫКОВ.

П О Е Д И Н О К.

На стройных и сильных ногах, аккуратно и крепко обитый, весь пестро-чалый, с красиво раздавшимися, желтовато-белыми, словно лакированными ногами наш четырехлетка бугай - Бурул - был моим любимцем и гордостью. Он был не только красавец на все хотонное стадо, но и первый в нем силач; два года подряд он был чемпионом гурта.

"С нашим Бурулом связываться опасно, вмиг отшибет всякого" - гордо говаривал я, когда какой-нибудь из местных бугаев, в пылу весеннего восторга, пытался вступить с ним в борьбу. И, действительно, Бурул, словно понимая мое хвастовство, всегда красиво и с достоинством принимал вызов. Стоило только какому-нибудь бугаю поднять боевой рев, он спокойно басил ему в ответ, раза два бороздил передними ногами землю, энергично и наскоро тачил рога об землю, также, мешая траву с землей, натирал щеки и смело направлялся к озорнику. Подойдя на несколько саженей, он испускал грозное сопение до овиста в раздувающихся ноздрях и, напружинив свое мускулистое тело, круто согнув голову, пронизывая противника буравом жестоких глаз, картинно становился перед ним, загораживал ему путь и замирал в ожидании, ежесекундно готовый встретить ударом удар...

Противник, если он был из гурта нашего хотона, изведывавший однажды силу моего Бурула, обыкновенно смирался, немедленно утихал, начинал смущенно помахивать хвостом и, осторожно обнюхав свирепого силача, раз-два помахивал головой, словно говоря: "связись с тобой" и проходил мимо.

Если враг попадался из чужого стада, еще не изведавший силу и ловкость Бурула, то смельчак, после двух-трех могучих ударов железного лба моего чемпиона, пулей отскакивал прочь и в панике бросался удирать во свояси и уж после не показывался в Буруловский гурт.

Бурул был рыцарь. К побежденным не бывал жесток. Он никогда не преследовал побежденного врага. Одержав очередную победу, он только для проформы испускал победный рев и спокойно принимался пастись, недреманным оком опекая свое многоголовое стадо, свой родной дом, в котором он вырос и по достоинству занимал первое место.

Но, однажды, "нашла коса на камень". Из коннозаводческого гурта вторгся в дом Бурула смелый оккупант, ненасытный ловец и силач. Положение и авторитет хозяина должен был подвергнуться тяжелому испытанию.

Пришелец - большого роста, неуклюжий, весь густо-красный, с могучими, прямо поставленными, толстыми, несколько для его роста короткими, но острыми, блестяще черными рогами - был грозен. Он был годом или двумя старше нашего и вся повадка его выражала самоуверенность и покой.

Местные красавицы немедленно оценившие его по достоинству, обрадовались возможности разнообразия и стали кружиться вокруг него. Слабовольные мужчины гурта, многие из которых имели зуб на Бурула, стали услужливо заискивать перед пришельцем, чтобы доедать его остатки.

Бурул, почувывая опасность, сперва, как будто, не замечал незванного гостя. Но когда он завязал флирт с очередной его симпатией,

Бурул не выдержал и испустил дуэльный рев. Пришелец отвечал. Соперники приготовились и, после недолгих церемоний бугайного этикета, мужественно сшиблись... Затрещали мощные рога во встречных ударах, запытели бойцы от натуги, кровью налились выпученные глаза, комья целинной земли летели из под копыт напряженных ног...

Для нас, десятка загорелых хотонных босоногих ребятишек, свидетелей поединка, стало ясно, что красный - сильный боец и достойный соперник нашему Бурулу. Поблуднев лицом, с часто бывшимся сердцем, я мысленно призывал на голову моего любимца помощь всех наших многочисленных богов.

В первые секунды самоуверенный Бурул, избалованный победами, могучим напряжением задних ног и сокружительными ударами крепкого лба взял инициативу и заставил пришельца попятиться назад. Но противник, видимо, не только силен, а и опытен в боях. Сделав короткий прыжок назад, он ловко справился и подставил в лоб Бурула свой левый рог. Не ожидавший этого маневра и разгоряченный Бурул со всего размаха ткнулся лбом об острое рога и до кости рассек кожу над глазом. Из раны потекла кровь. Он слегка охнул, потерял такт и на миг ослабил напор. Не теряя и секунды, красный раз за разом нанес Бурулу два ловких удара, поддел под его горло свои сильные рога и, слегка приподняв перед противника, покотил его вспять. Положение создалось безнадежное и мой любимец, испустив страдальческий вздох, бросился наутек. Победитель энергично преследовал его и, нагнав, успел нанести ему несколько презрительных ударов ниже хвоста, а потом, поматывая шумящей головой, отстал...

Отчаянию моему не было меры. Товарищи мои, хотя и уязвленные в хотонном самолюбии, посмевались надо мною, припоминая мои хвастливые заявления, и беспощадно критиковали промахи моего Бурула. В душе они, видимо, злорадствовали.

.. Не меньше меня, вероятно, был потрясен и сам Бурул. Он бежал не в свой гурт, а просто в степь, куда глаза глядят, словно эмигрировал за пределы родных границ. Красный, на правах победителя, завладел всем домом Бурула, стал царем его стада и бесцеремонно начал флиртовать со лучшей дамой гурта - с изящной красавицей, белоногой, бело-рыжей четырехлетней - Авга.

В тот вечер я лег спать без ужина, сославшись на головную боль. Бурул же ночевал в степи один, где-то в дальних балках и наутро не присоединился к своему гурту. Когда я его нашел и поднял, он с грустным выражением на морщинистом лице пошел к дальнему концу пруда, попил немного воды и лег на голом пыльном берегу. Весь день пролежал он тут, купаясь в пыли, не срывая ни одной травки, лишь время от времени несколькими глотками воды утоляя жажду.

Я понял, что Бурул мой не признает своего поражения окончательным и готовится к реваншу, к освобождению родного очага от власти завоевателя. На его рассеченный лоб садились мухи и он беспомощно мотал головой. Я немедленно побежал домой и, чтобы не завелась в ране червь, принес смесь котельной сажи со сметаной и смазал ею рану.

Два дня и ночь пролежал он. К вечеру второго дня, когда его родной гурт возвращался к хотону под водительством красного, он встал, со смелым вызовом подошел к нахальному пришельцу и вступил в драку.

С первых ожесточенных ударов красный понял, что сильный чалый противник хорошо натренировался и будет неутомим. После пяти-шести

однаково оногошибательных ударов Бурула, красный оккупант искал спасения в бегстве. На этот раз мой рыцарь, против обыкновения, был жесток. Он гнал побежденного и, не давая ему оправиться, добил его по тому самому месту, куда и сам получил от красного после первого столкновения.

Грудь моя высоко вздымалась и сердце колотилось от радости за блестящий реванш моего бойца. Грозным властелином после невольной отлучки вернулся он в свой гурт. Коварные изменницы покорно приняли своего господина. Красавица Авга, которой уже успел надоесть грубый прищелец, сама первая подошла к Бурулу и хотела было горячим языком лизнуть лоб победителя, но он устало боданул его концом рога и равнодушно отвернулся от нее.

Но красный оказался не таких, которые скоро примеряются к поражению. Он чувствовал равную силу противника, его неутомимость молодости, но знал, видимо, свою опытность и преимущество хорошего постава своих рогов. Он также дня на три уединился и, не принимая пищи, лишь слегка уголяя жажду, стал тренироваться для вторичной схватки.

Я с тревогою ждал новой встречи. Утром третьего дня произошло столкновение. Встреча утром давала мне маленькую надежду, потому что за ночь Бурул мог отдохнуть от дневных трудов, а главное пережевать и переварить траву, которой была набита его требуха. Но, увы!.. Мой Бурул опять был побит и, получив две легкие раны в шею и ляжку, стремительно бежал. Он опять залег, готовясь к третьему бою.

Дело обещало затянуться. Так бывает, когда бугаи чувствуют равные силы и если их насильно не отделить на десятки верст, то они в этой борьбе перестают быть полезными в своем природном назначении от истощения. Наши соперники оказались по силе и упорству именно в таком сочетании. После напряженного размышления я понял причину поражения и даже начал средство помочь своему любимцу. И в ту же ночь незаметно ни для кого, к силе и ловкости Бурула присоединилась хитрость маленького человека.

Словцо поняв увеличение своих ладоов, Бурул встал несколько раньше и, когда красный победитель с набитым травой брюхом важно возвращался с пастбища, встретил его в стороне от хотона и вступил в бой...

Триумф был полнейший... Только два раза успел долбануть Бурул красного по лбу, как тот дико заревев, с окровавленным лбом бросился бежать. Мой победитель преследовал и на этот раз и, догнав врага, сильным ударом левого рога в брюхо, снизу вверх, свалил красного с ног. Не давая ему подняться, Бурул два раза боданул лежачего в брюхо, каждый раз почти до основания погружая свои, как шило заостренные рога в тело врага...

Красный прищелец не встал. Он остался лежать, испуская глубокие, натужные вздохи. Из пробитого в трех местах брюха его показались белые, тоже прободанные кишки, из которых вытекала желтовато-зеленая, жидкая, теплая, остро пахучая масса переваренной травы, еще не успевшей обратиться в кал. Враг Бурула был уничтожен навсегда. Мятая душа его пошла искать новое перерождение. Победитель испустил торжествующий рев и проществовал в свою родную семью, где почтительно был обняван многими согражданами по гурту и прилизан шершавым языком своей старушки-матери...

Состояние красного было безнадежно. Прибывшие мужчины прирезали его и приказали хотонным бабам поскорее справиться.

На далеком отечном горизонте, за причудливыми скалами черных туч, медленно погружалось кроваво-красное солнце, обещая непогоду, а хотонные бабы, окруженные детьми и собаками, живо обдирали остывающий труп красного оккупанта.

Через час, на месте, где лежал пришлый силач, осталась лужа запекшейся крови, свежая требуха, набитая теплой, густой, пахнущей массой пережеванной травы, тонкие кишки с жидкой массой, голова с остекляневшими холодными глазами и четыре, отрезанные по колени, ножки, с окровавленными черными копытами...

Был тихий, теплый, лунный весенний вечер. В Ырке - верхнее отверстие кибитки - гляделись тысячи бледных звезд. В соседних кибитках раздавались оживленные голоса, плачь и возгласы детей, а в стороне от хотона ожесточенно дрались собаки.

---000---

Ш. В.

По СТРАНИЦАМ КАЛМЫЦКОЙ СОВЕТСКОЙ ГАЗЕТЫ.

В этих калмыцких советских газетах пишутся разные вещи и пишутся таким „калмыцким“ языком, что даже интеллигентному калмыку трудно в них что либо понять. Это действительно новое слово, новый язык, подлинное достижение большевиков. Ибо в этом „калмыцком“ языке не только отдельные предложения состоят из невообразимой смеси русских и калмыцких слов, но даже отдельные слова состоят из русских и калмыцких частиц. Читая эти газеты, думаешь: или льди там пишущие действительно большие льди или круглые невежды.

Само собой разумеется, львиная доля этих писаний относится на тему „о социалистическом строительстве“. Когда они пишут „о сплошной коллективизации“, „о значении черного металла“, „о тяжелой индустрии“, то мы не обращаем на них внимания, на их „калмыцкий“ язык. Очевидно, о таких высоких вещах можно писать на каком угодно тарабарском языке. Но вот в номере 146-й газеты „Тангачин Зайнгу“ некий Даван Гярй нашел нужным написать большую статью о „калмыцком художественном слове“ и нам хочется об его писании довести до сведения наших читателей.

По утверждению Давана, калмыцкое художественное слово является „детисем октября“, что до этого было только пустое место. Рассуждения его на этот счет чрезвычайно интересны, потому мы приведем их в дословном переводе:

„Художественное слово калмыцких пролетариев родила октябрьская революция. В огне той войны родилось оно, в ней развивалось, в огне той страшной эпохи борясь сердце (?) его укрепилось. Стальное перо калмыцких революционных писателей в сердце царских слуг вбивалось, крепкое, острое слово их дух и смелость мирян возбуждало... С пулями, шрапнелюкми и бомбами стихи и песни сплелись, с жестоким зимним холодом железное перо писателей рядом шло -

Красное знамя поднимем,
По улицам рядами пройдем,
Красно-желтый Хануков-командир
Криком „ура“ дух поднимал.
Молодежь, в Мацаке живущую,
Манджин Хохол возглавляет,
Манджин Хохол хотя и возглавляет
Маркса учение он распространяет“...

Так кратко и „авторитетно“ передает этот Даван историю зарождения калмыцкого художественного слова и такой „блестящий“ образец его он приводит. Затем автор рисует заманчивую картину бурного роста, развития этого самого „художественного“ слова, о количественном росте калмыцких писателей, о том, что этот рост заставил, мол, создать специальную организацию - НАПЦ (калмыцкая ассоциация пролетарских писателей!)